

УДК 929-913

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО КРЫМУ СУПРУГИ ОМЕР ДЕ ГЕЛЛЬ:

ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье реконструируются биографии Адели и Ксавье Омер де Гелль, которые посещали Крым в начале 1840-х гг. и неоднократно отразили полуостров в своем научном и литературном творчестве. Восстановление биографий супругов Омер де Гелль приобретает особое значение в свете того, что в XIX в. Адель Омер де Гелль стала жертвой мистификации П. П. Вяземского, что на долгие годы дискредитировало в глазах исследователей и личность путешественницы, и результаты ее творчества.

Ключевые слова: Омер де Гелль, Крым, путешествие, биография, литературное крымоведение.

Многим исследователям имя Адели Омер де Гелль хорошо знакомо благодаря скандальной мистификации, осуществленной в конце XIX в. П. П. Вяземским, который подделал более сотни интимных писем француженки и таким образом создал миф, долгое время владевший и читательским воображением, и убеждениями историков. Разоблачение этого мифа произошло в 1934–1935 гг. и имело вид сенсации [2; 3]. С этого времени так называемые «Письма и записки» Омер де Гелль перестали служить историческим источником, однако реальная биография французской путешественницы и поэтессы осталась известна исследователям лишь фрагментарно. Даже во Франции документальные свидетельства о жизни А. Омер де Гелль настолько прочно забылись, что в начале XX столетия прозвучали предположения, не является ли она вымышленным историческим персонажем. Историк литературы П. С. Попов (в свое время разоблачивший подделку П. П. Вяземского [5]) писал разочарованно: «От французских писателей и журналистов мы вправе были ожидать солидных и документальных данных по поводу мнимых писаний О. де Гелль: на родине писательницы легче вскрыть обстановку ее жизни» [4, с. 768].

Важно отметить, что факты жизни и творчества и Адели Омер де Гелль, и ее мужа Ксавье представляют большой интерес для крымоведения, поскольку в начале 1840 г. супруги-путешественники исследовали Крым, запечатлев в своих произведениях множество ценных для нас исторических деталей. Исходя из этого, целью настоящей статьи является реконструкция их биографий, и в том числе – прояснение обстоятельств их крымского путешествия.

Некоторую информацию о супругах Омер де Гелль содержат известные французские справочники. Так, в «Большом универсальном словаре XIX века» Пьера Ларуса об Адели сказано: «Омер де Гелль (Адель Эрио, дама) – французская писательница, родившаяся около 1820 г. Умерла в июне 1883 г. Ее последнее сочинение озаглавлено “Через мир, восточная жизнь, креольская жизнь” (1870–1872, in-18)» [49]. В

гораздо более позднем и более компактном, но «родственном» предыдущему справочнике «Универсальный Ларусс» есть информация и о муже Адели: «Омер де Гелль (Игнас-Ксавье), французский геолог и путешественник; родился в Альткирше, ум. в Исфохане (1812–1848). Вместе с женой Жанной Эрио (1815–1883) совершил интересные путешествия по южной России и берегам Каспийского моря» [48]. Заметим, что в названных источниках указаны разные даты рождения Адели Омер де Гелль: около 1820 г. и 1815 г.

В «Универсальном словаре...» известного энциклопедиста Густава Ваперо об Адели Омер де Гелль сообщается следующее: «Жена французского путешественника, носившего ту же фамилию и умершего в 1848 г. в Исфохане, родилась в 1819 г. Она сопровождала мужа в научной миссии, порученной ему правительством; провела пять лет в южных владениях России между Дунаем и Кавказом и участвовала в создании большого труда “Степи Каспийского моря” (1844–1847, 3 т., in-8, карты и планы). Ее участие в этом сочинении выразилось в живописном повествовании о путешествии, в создании зарисовок о нравах, характерах и лицах. После смерти мужа она опубликовала отдельно “Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России” (1860, in-18; 2-е изд. в 1868 г.). Ей также принадлежат “Грезы путника” (1845, in-18), стихотворения, которые были хорошо приняты; кроме того, статьи в “Ежегодном обозрении путешествий”, “Через мир, восточная жизнь, креольская жизнь” (1870, in-18, 2-е изд. – 1872). Она также приняла участие в подготовке к изданию “Путешествия в Турцию и Персию”, которое начало публиковаться в 1854 г. и которого IV том вышел в 1860 г. (in-8, 24 ил.)» [60, р. 949]. Итак, у нас есть третий вариант даты рождения – 1819 г. Однако и в этой статье нас тоже кое-что должно смутить: «Степи Каспийского моря» публиковались не в 1844–1847 гг., как ошибочно указывает Г. Ваперо, а в 1843–1845 гг. Следовательно, и дата рождения может оказаться ошибочной.

В поисках уточнений приходится обращаться к более скрупулезным жизнеописаниям путешественников. Так, в «Бюллетене геологического общества» опубликован доклад А. Викснеля (A. Viquesnel), озвученный 6 мая 1850 г., «О коллекции горных пород, собранных в Малой Азии и Персии покойным Омер де Геллем». Из этого сообщения можно почерпнуть подробную информацию о последней восточной экспедиции (1846–1848) Омер де Гелля и о важности обнаруженных им минералогических образцов [61]. В том же году в «Бюллетене географического общества» был помещен некролог Ксавье Омер де Геллю, написанный известным французским географом, главным секретарем центрального комитета Общества Александром Дево де ла Рокетом. Некролог был озвучен на заседании 26 июля 1850 г. и, по сути, представлял собой первое биографическое исследование о К. Омер де Гелле от его рождения в 1812 г. до гибели в 1848 [57]. Де ла Рокет не обошелся «общими фразами», а целенаправленно собирал информацию. Кроме личных воспоминаний о покойном (который являлся членом Общества) и уже опубликованных работ Омер де Гелля, он воспользовался еще и неопубликованными материалами последней экспедиции, которые цитировал и подробно анализировал и которые, по его словам, хранились у вдовы путешественника. Очевидно, что многие сведения о юности и первых путешествиях Омер де Гелля А. Д. де ла Рокет также получил именно от Адели Омер де Гелль.

Достоверность приведенных в некрологе сведений подтверждается, скажем, тем, что в дальнейшем близкий друг семьи Омер де Гелль Шарль Гуцвиллер очень часто ссылался на этот текст и называл его «основательным очерком жизни и трудов ученого, очерком, написанным специалистом талантливым и осведомленным» [23, р. 338].

Теперь о самом Гуцвиллере. В историю Эльзаса Шарль Антуан Адам Гуцвиллер вошел, прежде всего, как художник и писатель [13]. Он родился в 1819 г. в Альткирше – родном городе К. Омер де Гелля. Здесь же, в Альткирше, закончил колледж, где проявил способности рисовальщика, а позднее занял преподавательскую должность. Кроме того, он служил секретарем мэрии и одновременно сотрудничал в журнале «Эльзасское обозрение» («Revue d'Alsace»). С 1855 г. был главным секретарем мэрии Кольмара – крупного эльзасского города. Очень многое сделал для развития местных ученых обществ, библиотеки и музея [59, р. 632–633]. По его чертежам в родном Альткирше был построен красивый готический фонтан [13, р. 140]. Словом, Гуцвиллер был одним из тех образованных и целеустремленных провинциалов, благодаря которым французские области и сумели сохранить свою историю и культурную уникальность.

Первый и весьма обширный очерк о супругах Омер де Гелль Ш. Гуцвиллер напечатал в 1860–1861 гг. в «Эльзасском обозрении», назвав Ксавье не только своим другом и земляком, но и одним из «пионеров цивилизации» [23, р. 338]. По тексту видно, что помощь в сборе материалов Гуцвиллеру оказывала А. Омер де Гелль, поскольку он постоянно цитирует неизданные письма путешественника, которые могли храниться только у его вдовы.

В 1885 г. Ш. Гуцвиллер поместил вариант очерка о К. Омер де Гелле в справочном издании «Биографии эльзасцев с портретами и фотографиями» [22]. В 1898 г. он посвятил рассказу о супругах Омер де Гелль часть своих мемуаров «Эльзасские воспоминания, портреты, пейзажи: сквозь время» [21]. Здесь очерк о Ксавье представлен в несколько укороченном виде, зато появляются новые материалы о жизни Адели после смерти ее мужа и о помощи, которую она оказывала в сборе мемориальных материалов о нем. Труды Ш. Гуцвиллера, наряду с некрологом, написанным А. Д. де ла Рокетом, основаны на документальных свидетельствах и могут быть использованы как надежный биографический источник о супругах Омер де Гелль.

Кроме этого, есть и другие работы, помогающие восстановить историю их жизни, прежде всего – жизни Адели Омер де Гелль. Речь идет о серии биографических изысканий (разной степени научности), которые создавались в контексте осмысления той роли, какую сыграли женщины-путешественницы в истории землеописания. Так, в 1866 г. вышла книга Ришара Кортамбера «Прославленные путешественницы». Среди двух десятков биографий находим здесь и весьма подробное описание жизни и странствий Адели Омер де Гелль.

Автор книги был потомственным географом. Его отец – Эжен Кортамбер – возглавлял географическое отделение Национальной библиотеки Франции. В этом же отделении, под началом отца, с 1860 г. служил и Ришар. Имея широкий доступ к географической литературе, он посвятил свои труды истории и популяризации путешествий и географических открытий. Последним трудом его жизни стало объемное и

«мастерски написанное» [25] сочинение «Новая история путешествий и географических открытий всех времен и народов».

Основную информацию о путешествиях Адели Омер де Гелль Кортамбер брал из путевых записок самой Омер де Гелль, которые имеют документальный характер. Однако он еще и лично общался с путешественницей, поскольку цитирует ее письма и рассказывает о ее планах на будущее. Надо полагать, что именно со слов Адели Омер де Гелль Кортамбер сообщает подробности о ее детстве и юности. А потому труд Кортамбера послужит для нас одним из основных источников в дальнейшем разговоре об Адели Омер де Гелль, тем более что в дальнейшем биографы путешественницы так или иначе опирались на материалы, опубликованные Кортамбером.

Это относится, например, к Амели Шевалье, которая создавала портреты женщин (прежде всего француженок), сыгравших заметную роль в истории и культуре. Пожалуй, наиболее известное ее сочинение – «Женщины прошлого» (1899), представляющее историю французского общества сквозь призму женских биографий [15]. Этому труду предшествовала книга «Путешественницы XIX века», которая выдержала два издания: в 1888 и 1889 гг. Здесь отдельная глава посвящена Адели Омер де Гелль [16]. А. Шевалье ссылается лишь на один источник – книгу самой Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря». Однако даже поверхностное сравнение текстов позволяет уверенно заключить, что автор порою почти дословно использовала фрагменты из работы Кортамбера (при этом временами путая датировку событий).

В 1894 г. по пути Кортамбера пошел другой известный географ, специалист в области картографии, создатель «Географического лексикона», основатель и главный секретарь Восточного географического общества [26] Жозеф-Виктор Барбье. На национальном конгрессе французских географических обществ он выступил с докладом «Роль французских путешественниц в географии», значительное внимание уделив Адели Омер де Гелль [12]. Основную часть сведений Барбье взял у Кортамбера, о чем и сообщил публике. Самому Барбье принадлежали некоторые довольно меткие наблюдения об экспедициях супругов Омер де Гелль и указание на год смерти путешественницы – 1883.

К тому же 1894 г. относится еще одна попытка описать жизнь Адели Омер де Гелль – на сей раз пером писательницы и переводчицы Мари Дронсар. В книге «Великие путешественницы» один из очерков она посвятила А. Омер де Гелль. Он основан на тексте все того же Кортамбера, причем порою с почти буквальной передачей его фраз. При этом почти все биографические даты М. Дронсар попросту опустила. В том редком случае, когда Дронсар все же решилась допустить календарную конкретику и указала год смерти Ксавье Омер де Гелля, она тут же попала впросак, написав вместо 1848 года – 1849. К «нововведениям» Дронсар можно отнести некоторые мелодраматические и не известные на чем основанные замечания, как, например: «Ее замужество представляло собой изящный роман» [19, р. 12]. В целом «труд» М. Дронсар настолько далек от следования историческим реалиям, что не способен создать объективное представление о жизни супругов Омер де Гелль.

Важным и чрезвычайно информативным источником являются путевые описания самих супругов Омер де Гелль, имеющие документальный и, соответственно, автобиографический характер. Основные из этих сочинений: 1) трехтомное издание «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия» [44], в 1843–1845 гг. опубликованное супругами Омер де Гелль в соавторстве; 2) «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России» [42], написанное и опубликованное в 1860 г. Аделью Омер де Гелль уже совершенно самостоятельно; 3) книга Адели «Через мир. Восточная жизнь. Креольская жизнь» [27], первая часть которой основана на сведениях, накопленных в период пребывания в Турции во второй половине 1840-х гг., а вторая – включает описание двух путешествий, осуществленных в 1860-х гг.: на Мартинику и в придунайские земли. Кроме перечисленных основных трудов супругов Омер де Гелль, нам удалось обнаружить во французских научных и периодических изданиях XIX в. еще целый ряд публикаций Адели, которые позволяют проверить и уточнить важные биографические факты.

Итак, полное девичье имя Адели Омер де Гелль – Жанна-Луиза-Аделаида Эрио (Hériot) [57, р. 30]. Она родилась в 1819 г. в городке Арбуа департамента Юра. Очень рано потеряла мать, так что воспитанием девочки занималась старшая сестра, проявлявшая о ней «совершенно материнскую заботу» [18, р. 181]. Отцу Адели приходилось бороться со многими житейскими невзгодами, и, наконец, он устроился в сфере народного просвещения. Последовали частые переезды по Франции: Франш-Конте, Бурбонне, Овернь. Кортамбер даже высказал предположение, что именно «кочевой» характер отца привил Адели склонность к путешествиям.

Когда девочке исполнилось семь лет, семейство переехало в Париж, и ее отдали в пансион Сен-Манде в нескольких километрах от столицы. После смерти отца она поселилась у родной сестры, которая к тому времени уже жила в Сент-Этьене. В скором времени она познакомилась со студентом Горного института в Сент-Этьене Ксавье Омером. Между ними возникла взаимная привязанность, которой пришлось преодолеть объективные препятствия: Адели едва исполнилось 15 лет, у нее не было состояния, а Ксавье еще не был обеспечен местом службы. Между тем он «не успокоился, пока не добился от своих родителей разрешения вступить в брак» [16, р. 23].

Полное имя Ксавье – Игнас Ксавье Моран Омер. «Де Гелль» он прибавил лишь в 1839 г., когда получил от российского правительства орден Св. Владимира, что подразумевало и получение дворянства. «Де Гелль» – имя его матери, которая принадлежала к роду бывших балы из Ландсера. Ксавье Омер родился 24 ноября 1812 г. в эльзасской коммуне Альткирш, которая и сегодня представляет собой совсем небольшой населенный пункт – до 6 000 жителей. Чтобы описать детские и отроческие годы Ксавье, достаточно процитировать воспоминания его земляка Ш. Гуцвиллера: «Единственный сын и кумир благочестивой и нежной матери, он рос в окружении изошренных забот <...>. Впрочем, хрупкое, почти болезненное сложение юного Омера, по-видимому, оправдывало заботы, которыми он был окружен в детстве и отрочестве. Первоначальное классическое образование он получил в колледже Альткирша <...>. В нем рано проявилась тяга к науке и графике, и было заметно, что он с жаром обучается рисованию, что оказалось столь полезным для него позже» [23, р. 339].

Продолжил свое образование Ксавье Омер вдали от дома, в Королевском колледже Дижона – солидном учебном заведении, где Ксавье был одним из лучших учеников и откуда вышел в 1831 г. Поскольку молодого человека более прочего интересовала геология, он поступил в Горное училище Сент-Этьена, которое и поныне остается одним из наиболее престижных заведений Франции по подготовке инженеров. В 1833 г. он завершил свое образование, получив квалификацию гражданского инженера.

Рис. 1. Ксавье Омер де Гелль.
Литография Ш. Гуцвиллера по рисунку Ж. Лорана.

Тогда и состоялась его женитьба на Адели Эрио. Здесь следует вновь процитировать Ш. Гуцвиллера, свидетельство которого выглядит велеречиво, но зато принадлежит человеку, лично знавшему и Ксавье, и Адель на протяжении многих лет. «Познакомив его, – вспоминал Гуцвиллер о юности Ксавье, – в самом начале поприща с душой, способной понять его душу, разделить его рискованные проекты, внушить ему веру в будущее и в результате упорного труда, судьба преподнесла ему то, к чему многие люди тщетно стремятся всю жизнь, – совместное счастье <...>. Один ученый, другая поэтесса – оба одарены деятельными и нежными сердцами, признающими счастье лишь во взаимной страсти <...>! Не противясь желанию своего мужа искать успеха на Востоке, она живо разделила это желание и осознала, что там, в солнечной стране, свершится их судьба» [23, р. 341].

Прежде чем «искать успеха на Востоке», молодой чете, не имевшей состояния, приходилось сначала устраивать свою жизнь на родине. В ту эпоху в регионе велась подготовка грандиозного инженерного мероприятия – проектировалась железная дорога из Лиона в Марсель вдоль русла Роны, навигация по которой была трудной, что сужало возможности по перевозке грузов и пассажиров [45, р. 1]. Ксавье принял участие в проектировании дороги, и его жизнь превратилась в беспрестанные разъезды между пунктами будущего строительства. Жалование при этом было скудным [12, р. 258]. И 2 октября 1835 г. в поисках удачи Омер де Гелль отправился в Константинополь, оставив во Франции жену и только что родившегося сына [23, р. 342].

Пережив по дороге в Стамбул кораблекрушение, после которого родные и друзья несколько недель считали его погибшим [57, р. 30], Ксавье добрался до Турции, где очень скоро был принят на службу в качестве гражданского инженера на выгодных условиях: его жалование составляло 2000 пиастров в месяц, что было эквивалентно 6360 франкам во Франции. «Ему также предоставили казенную квартиру, – добавляет Гуцвиллер, – и таим, или ежедневное обеспечение мясом, рисом и углем. Для Константинополя, где жизнь в ту пору была весьма дешева, это были очень выгодные условия» [23, р. 346]. Видимо, сразу после этого к Омер де Геллю переехала и жена с сыном.

По убеждению Кортамбера, именно на Востоке начали развиваться поэтические дарования Адели: «Она всегда была очень восприимчива к красотам природы, очарованию стихов, к возвышенным раздумьям, но она никогда не стремилась сформулировать свои впечатления; переход из Марселя в Константинополь показал ей столь прекрасную природу, что она пережила, так сказать, преображение. <...> Вид Константинополя, Босфора, Принцевых островов привели ее воображение <...> в состояние восторга, близкого к экзальтации. Как она сама признается в одном из писем, в течение некоторого времени она жила в духовном опьянении, которое люди рациональные вполне могли бы принять за безумие» [18, р. 183].

В то время в Турции свирепствовала чума, однако Адель и Ксавье много ездили по стране, что, видимо, объяснялось не только любознательностью, но и профессиональной деятельностью молодого инженера. Ш. Гуцвиллер сообщает: «Первым порученным ему заданием было проектирование 200-метрового висячего моста для Константинопольского порта. 14 декабря полевые исследования были завершены, и он рассчитывал через три недели представить султану свои планы. В то же время Алим-паша, зять султана, заказал ему проект строительства маяка на берегу Черного моря у входа в Константинопольский канал. Затем он был представлен Намиком капутан-паше, или командующему флотом, с которым беседовал без драгомана по-итальянски. Этот высокопоставленный сановник пообещал ему блестящее будущее, если ему удастся использовать турецкую железную руду для литья пушек в Константинополе» [23, р. 346–347].

Уже тогда у Адели проявились качества, которые определили ее дальнейшую судьбу, – она была постоянной спутницей мужа в его поездках и умела запечатлевать в памяти самые колоритные картины жизни. Амели Шевалье очень поэтично (хотя лишь перефразируя оригинальное исследование Кортамбера) выразила настроение, которое владело юной французской путешественницей во время ее стамбульской

жизни: «Живое воображение г-жи де Гелль было сильно поражено живописным обликом восточной жизни, яркостью ее красок, изяществом ее форм, столь отличными от тривиальной обыденности Запада. <...> Сопровождая мужа, она с наслаждением исследовала тихие уголки гористых и почти пустынных улиц в наименее посещаемых кварталах Стамбула, где зарешеченное окно или приоткрытая дверь подсказывали ей сюжет целого романа или заставляли ее грезить о дивных дворцах» [16, р. 24–25].

Между тем удача отвернулась от французского инженера. Его покровитель впал в немилость, а это привело к тому, что «заглохли» все курируемые им проекты: подвесной мост, маяк, литейный завод. Ксавье приходилось искать для себя новые возможности, и именно поэтому он задумал поездку в Россию. Ему удалось заручиться рекомендательным письмом к француз, долго состоявшему на русской службе, генералу К. И. Потье. 15 мая 1838 г. молодая чета села на одесский пароход [44, т. I, р. 1–3], пересекла Черное море, провела какое-то время в Одессе, а далее направилась в имение Потье, расположенное между Джарылгацким и Тендровским заливами Черного моря.

Карл Иванович Потье был инженером и находился на русской службе с 1810 г., занимая высокие посты: член Совета путей сообщения, управляющий Комиссией проектов и смет, директор Института Корпуса путей сообщения. В 1836 г. в звании генерал-лейтенанта он вышел в отставку [6] и поселился в имении, которое в честь супруги называл Кларовкой (ныне с. Клуглоозёрка в Херсонской области). Кстати, для Крыма в свое время Потье подготовил проект здания керченского карантинного здания и проект дороги из Бахчисарая в Севастополь в объезд Северной стороны [1, с. 344, 362, 400].

Приезд Ксавье пришелся впору, поскольку как раз в тот момент генералом Потье владела идея устройства мельниц на Днепре. Проект был сразу же поручен молодому французскому инженеру [12, р. 259]. Это потребовало от Ксавье исследования берегов Днепра, и тут ему снова улыбнулась удача: в 1839 г. близ Екатеринослава он обнаружил месторождение железной руды, за что (думается, не без протекции Потье) был награжден орденом Св. Владимира [21, р. 289]. С той поры Адель и Ксавье и стали писать свою фамилию на дворянский манер – Омер де Гелль.

Между тем Ксавье всеми силами старался проявить себя в чем-то большем, нежели строительство мельниц. Ш. Гуцвиллер свидетельствует, что в 1838 г. Омер де Гелль, находясь в Херсоне, направил при посредстве французского консула в Одессе Шалле записку русскому правительству, где «совершенно свободно рассуждал об арсеналах Николаева и Севастополя» [23, р. 351]. Трудно сказать, имело ли это какое-нибудь продолжение. Но вот другой замысел Ксавье – экспедиция по южной России и на Каспий – действительно осуществился.

Позднее, уже в описании экспедиции, Омер де Гелль так формулировал задачи этого предприятия: «Отправляясь из Константинополя в Одессу, я преследовал одну основную цель – познакомиться с геогностическим строением Крыма и степей Новороссии и путем положительных наблюдений решить большой вопрос Босфорского разлома. Начав это исследование, я не мог ограничиться рамками первоначального замысла и был вынужден исследовать также обширные области от Дуная до Каспийского моря и вплоть до северных склонов Кавказа. Таким образом, я провел в южной

России около пяти лет, исколесив эту область во всех направлениях, исследовав пешком и верхом русла рек и потоков, посетив все русское побережье Черного, Азовского и Каспийского морей» [44, т. I, р. V].

Очевидно, при содействии того же К. И. Потье Омер де Геллю удалось заручиться поддержкой новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, по воле которого в распоряжение Омер де Гелля были предоставлены «великолепный драгоман с казаком, который должен был внушать уважение и страх полудиким степным племенам, а кроме того, – просторная и прочная бричка» [18, р. 186]. Помимо того, Воронцов обеспечил финансирование экспедиции [57, р. 32], снабдил путешественников подорожными грамотами и рекомендательными письмами к губернаторам областей, через которые пролегал маршрут.

Ксавье сомневался, брать ли супругу в столь долгий и трудный путь, однако ее воодушевление победило его чувство осторожности. Позднее она вспоминала свое настроение накануне отъезда на Каспий: «Все рассказы знаменитых путешественников всплывали в моем сознании, и я с некоторой гордостью повторяла себе, что я, женщина, парижанка, тоже отправляюсь исследовать далекие земли и месяцы напролет наслаждаться существованием, которое мало кому суждено изведать! <...> Странная вещь, подтверждающая мое призвание путешественницы! Все, что ужаснуло бы большинство женщин, более всего и влекло меня в это путешествие, и перечисление моим мужем тягот, лишений и даже опасностей, которым мы подвергнем себя, имели результатом лишь то, что усилили мое нетерпение двинуться в путь» [42, р. 2].

Между тем была еще одна причина, которая подталкивала Адель сопровождать супруга. Уже на этапе сборов здоровье исследователя сильно пошатнулось. Его мучили настолько сильные удушья, что Адель вознамерилась всеми силами противиться его путешествию и даже сжечь путевые проекты мужа [57, р. 187], однако болезнь отступила, и вопрос с путешествием был окончательно решен. Сыновей (а их к тому времени было уже двое) оставили в Кларовке – на попечение подруги Адели Омер де Гелль.

Как ни странно, возникает некоторая путаница в датировке экспедиции, причем – речь идет о разнице в целый год. Дело в том, что в описании путешествия, опубликованном в 1860 г., Адель четко указала, что экспедиция началась в начале мая 1840 г. [42, р. 3] Видимо, опираясь именно на это указание, и Кортамбер датировал начало экспедиции 1840 г. Между тем в трехтомном путешествии «Степи Каспийского моря...» (1843–1845), написанном авторским дуэтом Адели и Ксавье, дата указана иная – начало мая 1839 г. [44, т. I, р. 228] Думается, что эта датировка является верной, поскольку, во-первых, трехтомное описание путешествия издавалось «по свежим следам» экспедиции, во-вторых, оно гораздо более академично, нежели позднейшие издания Адели о странствиях по России, в-третьих, стихи Адели, написанные на берегу Волги, в Таганроге, Астрахани и Кисловодске (то есть во время экспедиции), и автором датированы 1839 годом [39, р. 89, 100, 105, 129].

Вообще говоря, хронологическая привязка событий в сочинениях супругов Омер де Гелль о поездке по России прослеживается весьма сложно: авторы очень редко

указывают, когда они прибыли в тот или иной пункт. Когда Адель переиздавала описание своих путевых впечатлений о России в 1868 г., она убрала даже дату начала путешествия [36, р. 1], которая, напомним, в издании 1860 г. обозначалась как 1840 г. Видимо, Адель Омер де Гелль опасалась, что ее впечатления будут восприняты публикой как сильно устаревшие и решила не акцентировать внимание на точном времени путешествия.

Но вот почему путевые даты почти отсутствуют в трехтомном, научном описании экспедиции, изданном в 1843–1845 гг.? Думается, и это объяснимо.

Дело в том, что кроме основной экспедиции, Ксавье предпринял еще ряд не столь масштабных поездок по югу России – какие-то с супругой, а какие-то без нее. В некоторых местах (например, в Керчи и на Кавказе) он побывал дважды, в иных – возможно, и по несколько раз. Поденное описание всех этих поездок «развалило» бы путевую композицию «Степей Каспийского моря...», рассредоточило бы информацию об одних и тех же пунктах по разным частям издания. Поэтому Ксавье и Адель прибегли к тому же композиционному приему, что и швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший юг России и Кавказ незадолго до них – в 1832–1834 гг. Он издал 6-томное «Путешествие вокруг Кавказа к черкесам и абхазам в Колхиду, Грузию, Армению и Крым» (1839–1843). Наблюдения, сделанные в ходе многих поездок и научных экскурсий, он представил в виде одного «линейного» путешествия, что позволило «упорядочить» подачу материалов. Тем же соображением руководствовались и супруги Омер де Гелль, полагая, что целостное описание различных пунктов и объектов предпочтительнее, нежели точное следование хронологии дневниковых записей. Ксавье, завершая описание крымской поездки, как бы между делом сообщал читателю: «Обстоятельный рассказ обо всех наших прогулках, конечно, был бы монотонным и скучным, и мы предпочли ограничиться тем, что проследили основные маршруты, в которых красоты пейзажа объединились с наиболее замечательными напоминаниями о древности. Мы уже использовали этот принцип при составлении нашего “Путешествия” на Каспийское море: вместо того, чтобы занимать читателя описанием наших многочисленных экскурсий и сорока или пятидесяти тысяч верст, которые мы проделали в экипаже или верхом, мы сочли за лучшее сделать на основании всех разнообразных наблюдений рассказ об одной единственной экспедиции» [44, т. II, р. 513–524].

Тем не менее, одна – главная – экспедиция на Каспий, которую совершили супруги Омер де Гелль, несомненно, имела место, пусть даже ее маршрут и не был вполне идентичен описанному в трехтомнике. И мы выяснили, что началась эта экспедиция в мае 1839 г. Что касается ее завершения, то можем утверждать, что его следует отнести к концу 1839 г. Из текста «Путешествия...» видно, что, проведя летний сезон в Прикаспийских степях, путники двинулись на Кавказ и прибыли на кислые воды, когда курортный сезон уже завершился, то есть осенью. Оттуда они отправились на северное побережье Азовского моря, куда добрались к началу морозов. В Одессу они попали уже в пору метелей [44, т. II, р. 199, 352, 356]. Таким образом, их путешествие продлилось с мая по зиму 1839 г.

Как следует из того же текста, в следующем, 1840 г. Ксавье снова ездил на Кавказ, причем без Адели. Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать из обрывка его фразы: «В 1840 г., когда состоялось мое последнее путешествие на Кавказ <...>» [44, т. II, р. 337]. Местоимение «мое», а не «наше», вполне ясно указывает, что в 1840 г. странствовал по Кавказу он уже в одиночку.

Но вернемся к их главной экспедиции – на Каспий. Она началась в самую лучшую пору – в первых числах мая. Путь пролегал по зеленеющим степям сначала в Екатеринослав, потом в Мариуполь и оттуда – через малые и большие жилые пункты с разноплеменным населением – в Таганрог и Ростов-на-Дону. Далее – цивилизация становилась все менее заметной, дорога труднее, народы – экзотичнее. Но, судя по путевым впечатлениям, энтузиазм Адели не остывал. Это особенно чувствуется в том, например, как она описывает Волгу, за которой, по представлениям путешественников, находился мир неизведанный, дикий, переполненный неожиданностями: «Утром я жадно устремила взор к Волге, которая почти сияла в ярких лучах восходящего солнца. С каким воодушевлением и даже гордостью смотрела я тогда на эту прекрасную реку, которая простирала перед нами свои спокойные и величественные воды, свои излучины и многочисленные островки, поросшие ольхой и осиной, изрезанные тысячей русел! По ту сторону Волги тянутся необозримые степи, где находятся кочевья киргизов и калмыков и чья линия на горизонте столь же гладкая, как у океана. Трудно представить зрелище более грандиозное и более гармонирующее с тем изображением, что Волга, течение которой составляет шестьсот лье, принадлежит к первому разряду великих рек Европы» [42, р. 101–102].

Путешественники добрались до Астрахани, оттуда отправились в Прикаспийские степи, а затем через Кавказ снова вернулись к Азову и уже по знакомому пути поехали в Одессу. Нам нет необходимости описывать подробности этого продолжительного вояжа. Но один фрагмент из воспоминаний Адели Омер де Гелль мы все же приведем, поскольку он очень ярко характеризует не только саму экспедицию, но и умонастроение французской путешественницы. Это фрагмент из предисловия к изданию 1868 г. ее книги о поездке в Россию: «<...> Из множества впечатлений наиболее сильным было то, что поразило нас после трудного дня пути по пескам, – когда мы увидели Астрахань, сначала мало-помалу проглядывающую на горизонте сквозь золотую пыль, а потом явившуюся перед нашими замороженными взорами, будто один из фантастических городов, о которых говорится в арабских сказках. Все поддерживало иллюзию: пустыня, песок, сушь. Время от времени – стадо верблюдов, идущих на водопой к Волге. Малейшее дуновение ветра нагоняло под нашу бричку песчаные волны, обнажая обломки кибиток (хижин), остовы ишаков и лошадей; нигде нет и следа культуры, из растительности – только пучки полыни и бледные асфаделины, печально белеющие на тонких и хрупких стеблях. Окрестности у города, купола, минареты и шпили которого уже были для нас различимы, все более четко вырисовывались на горизонте и принимали рельеф и контуры, внятные для глаз!» [36, р. I–III]

По всему видно, что трудное путешествие не разочаровало Адель и оставило в ее памяти одно из самых светлых и волнующих воспоминаний. Ее очередная запоминающаяся поездка с мужем – путешествие в Крым. В книге описано одно крымское

путешествие, но все же возникает вопрос: а не было ли двух поездок на полуостров, описанных позднее как одна? Объясним причину сомнений.

На время крымского путешествия однозначно указывают, по крайней мере, два источника. В 1844 г., то есть за год до публикации 2-го тома «Степей Каспийского моря...», написанного в соавторстве с мужем и вмещающего описание поездки в Крым, Адель опубликовала в «Восточном обозрении» под своим именем «Фрагмент путешествия в Крым». Так вот: здесь указано время отправления на полуостров – последние дни апреля 1841 г. [29, р. 222] Кроме того, в Крыму Адель написала несколько стихотворений, которые датированы 1841 г., а два – еще более конкретно: 29 апреля (Бахчисарай) и 2 мая (Ялта) 1841 г. [39, р. 157, 197] Но вот неувязка: в трехтомном издании «Степей Каспийского моря...» сказано, что Адель прервала свой крымский вояж в Судак и не смогла последовать за мужем в Феодосию, Керчь, а далее – на Кавказ и к калмыкам [44, т. II, р. 486]. А как помним, последнее путешествие на Кавказ Ксавье, по его же словам, совершил в 1840 г. (из текста видно, что в том же году он побывал и в Крыму). То есть, можно допустить, что Адель приезжала в Крым дважды: в 1840 и 1841 гг., причем примерно в одно и то же время года (конец весны – лето), поскольку детали описания соответствуют именно этой поре. Потом воспоминания об этих двух поездках были оформлены в виде описания одного путешествия по соображениям, уже оговоренным нами выше. Впрочем, это лишь версия.

Так или иначе, но в Балаклаву путешественники добирались на яхте своего одесского знакомого, консула Нидерландов Э. В. Тетбу де Мариньи, который мог сообщить путешественникам много полезной информации, поскольку основательно исследовал побережье Черного и Азовского морей, многое сделал для описания и сохранения крымских древностей, тесно общался со многими знатоками истории и географии полуострова [7, с. 142–143].

В Крыму супруги Омер де Гелль вместе посетили Балаклаву, Севастополь, Бахчисарай, Симферополь, проехали по Южному берегу, а Ксавье уже без жены посетил еще Феодосию и Керчь. Зимой 1841–1842 гг. Омер де Гелли снова провели в Одессе, а затем двинулись в Молдавию. Здесь Адели пришлось забыть о приключениях истинного путешествия и какое-то время вести активную светскую жизнь. Между тем Ксавье заболел дунайской лихорадкой, что предопределило их возвращение во Францию – после 7 лет странствий [18, р. 212].

В 1842 г. Омер де Гелли вернулись в Париж [21, р. 290] и начали готовить к изданию описание своего путешествия по России. Одновременно Ксавье налаживал контакты в академической среде и подготавливал внимание ученых к выходу этого объемного сочинения. 10 апреля 1843 г. он выступил в Академии наук с докладом о разнице между уровнями Черного и Каспийского морей [9, р. 341], что являлось ключевым вопросом его экспедиции в Россию.

В конце 1843 г. в свет вышел первый том 3-томного издания Омер де Геллей «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия». В предисловии Ксавье сообщал, что труд печатается «без чьего бы то ни было покровительства», а потому сохраняет «независимость от чужого влияния». Кроме того, он подчеркнул некоторые важные особенности сочинения: «Пользуясь содействием местных властей, я

смог собрать самые достоверные сведения о положении людей и вещей; таким образом, к научной части естественным образом присоединилось все то, что касалось истории, статистики и состояния разных народов, населяющих южную Россию, и мое путешествие, которое изначально должно было быть научным, постепенно стало живописным, историческим и статистическим. <...> Моя жена, которая не отступила ни перед какими трудностями, чтобы сопровождать меня в большей части экспедиций, во Франции стала моей помощницей в редакторской работе. Именно ей принадлежит вся живописная часть путешествия» [44, т. I, р. VI–VII].

Иными словами, Адель стала соавтором «Степей...». Чтобы определить меру ее участия в создании трехтомного труда, конечно, хорошо бы для начала определить, что такое «живописная часть» и каким образом она отделяется от научной.

Структура издания такова: 1-й и 2-й тома, опубликованные, соответственно, в 1843 и 1845 гг., представляют собой собственно описание путешествия по России. 3-й том вышел в 1844 г. и содержал исключительно естественнонаучный материал географического и геологического порядка. Очевидно, что этот 3-й том Адель могла редактировать, но вряд ли дополняла его собственным повествованием. Так что принадлежащую перу Адели «живописную часть» следует искать в 1-м и 2-м томах. Поскольку понятие «живописности» весьма субъективно, то опираться лишь на него, думается, не стоит. Так, скажем, А. Шевалье, видимо, посчитав оба тома достаточно «живописными», уверенно заявила, что их полностью написала Адель [16, р. 57]. Однако внимательное прочтение текста не позволяет с этим согласиться.

Итак, что помогает нам отделить текст Адели от текста Ксавье? Прежде всего, напомним, что некоторые поездки Ксавье совершал без Адели. Эти моменты в тексте оговариваются, и повествование в таких случаях ведется от лица самого Ксавье. Так, например, во время крымского путешествия супруги разъехались близ Судака (в имении г-жи Жакмар): Адель поехала в Улу-Узень, а Ксавье – в Феодосию и Керчь; ясно поэтому, что повествование о Судакской крепости и об этих двух городах принадлежат ему.

Еще одна подсказка – путевые впечатления Адели, опубликованные отдельно, под ее лишь именем. Так, ее рассказ о Севастополе, который она посетила вместе с мужем, был опубликован в 1844 г. – годом раньше, чем вышел 2-й том «Степей...», содержащий описание крымской поездки. В этом томе картина Севастополя существенно дополнена: появляется рассказ о разрушении Херсонеса, севастопольском портовом и фортификационном строительстве, кораблях черноморского флота и т. д. Можно было бы отнести эти дополнения на счет уточнений, которые Адель могла сделать, скажем, при разборе дневниковых записей. Но это опровергается другим текстом. В 1860 г. она опубликовала свою авторскую версию путешествия в Россию: «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России». Так вот здесь описание Севастополя приближено к варианту 1844 г., то есть не имеет тех дополнений, которые появились в 1845 г. во 2-м томе «Степей...». Эти дополнения со всей очевидностью должны быть приписаны перу Ксавье Омер де Гелля.

Сравнивая, таким образом, крымский фрагмент «Степей...» и самостоятельные публикации Адели, с уверенностью можем заключить, что ей принадлежат три крымских сюжета: о «загадке» графини Гаше (был опубликован самостоятельно еще в

1844 г. [41]), о княжнах Адиль-бей и о Мангупе (напечатан в 1844 г. [39]), а также об Аксилии Ланг (появился лишь в издании 1860 г.).

Оба описательных тома «Степей...» содержат не только повествования о событиях, людях и разного рода достопримечательностях, но и переполнены пространными историческими и статистическими справками компилятивного характера. Эти фрагменты столь далеки от представления о «живописности» и столь мало согласуются с вещами, которые интересовали, судя дальнейшим публикациям, Адель Омер де Гелль, что не могут рассматриваться как результат ее творчества.

Словом, в большинстве случаев мы можем «разделить» тексты Адели и Ксавье.

Следует отдать должное Ксавье Омер де Геллю: он сумел добиться того, что в ученых кругах о «Степях...» сразу же заговорили, причем весьма благожелательно. Едва из типографии появился 1-й том, а «Ежегодник путешествий и географии» на 1844 г. уже посвятил ему целый ряд хвалебных страниц. Сам редактор ежегодника Фредерик Лакруа анонсировал выход 1-го тома «Степей...». Приведем выдержки из его отзыва, чтобы было понятным настроение, с каким публика должна была встречать новую книгу о России. «Наиболее значительным путешествием по Европе, без сомнения, стало путешествие г. Омер де Гелля, – начинает Ф. Лакруа обзор опубликованных путешествий за год. – <...> Пять лет были посвящены этой обширной экспедиции, пять лет, в течение которых г. Омер пересек во всех направлениях южную Россию, двигаясь пешком и верхом вдоль русел рек и потоков, посетив все русское побережье Черного, Азовского и Каспийского морей, повсюду присоединяя к своей научной работе изучение людей с трех точек зрения: исторической, физиологической и политической. Сопровождаемый в большинстве своих поездок госпожой Омер де Гелль, чье мужество не уступает уму, храбрый геолог препоручил ей пополнение путевого журнала такими наблюдениями, которые находятся в исключительно женской компетенции и часто ускользают от мужчин, чей разум более склонен к общим соображениям. <...> Научные результаты этого долгого путешествия еще более ценны. Что касается, например, Каспия, то наблюдения г-на Омера в значительной степени помогут решить проблемы, связанные с этим внутренним морем. Г. Омер констатировал, что разница между уровнями Азовского и Каспийского морей составляет 18 м, а не 108 метров, как настаивали в 1812 г. Паррот и Энгельгардт, и не 25 метров, как утверждали в 1839 г. три члена Санкт-Петербургской академии. Он доказывает, как и некоторые геологи, что эта разница уровней обусловлена не понижением земной поверхности, а простым уменьшением воды в Каспийском море; уменьшением, которое вызвано, с одной стороны, разделением морей, а с другой – потерей воды в Урале, Волге и Эмбе вследствие вырубки лесов в Уральских горах и развития земледелия на берегах Волги» [9, р. 17–19].

На следующий год Ф. Лакруа опять хвалил сочинение Омер де Гелля (впрочем, не прибавив к уже цитированному нами ничего нового) и сообщал читателю, что Омер де Гелль разделил с г-ном д'Арно премию Французского географического общества в 10 000 франков [10, р. IV–V].

Издание «Степей...» получилось очень дорогим – по 110 франков за комплект. Не последнее место в формировании его стоимости имел живописный атлас, по

оценке Ф. Лакруа, «искусно изготовленный г-ом Ферождё (Férogio)», с картой «превосходной гравировки г-на Буфара (Bouffard)» [9, p. 327]. Ш. Гуцвиллер вспоминал, что «высокая стоимость первого издания, опубликованного роскошно и, ко всему, с живописным атласом, представляющим собой настоящий шедевр, делала его доступным лишь для небольшого числа читателей» [23, p. 349]. Однако и затраты на издание, и силы, вложенные в его осуществление, вполне оправдывались тем, что авторитет Адели и Ксавье после путешествия неуклонно рос. Как констатирует биограф, «их повсюду принимали с живым уважением и большим почетом»: «Тогда как молодой и уже известный инженер получил крест, его жена, разделившая с ним все труды и опасности <...>, удостоилась самого почетного приема у г-на Вильмена, тогда министра народного просвещения» [18, p. 212]. Кстати, крест, о котором идет речь, это – знаменитый орден Почетного легиона, врученный Омер де Геллю в 1845 г. [21, p. 290]

«Степи...» обсуждались в прессе и научной периодике. «Новая летопись путешествий, географии и истории» причисляла труд Омер де Геллей к «замечательным путешествиям» и ставила вровень с уже упоминавшимся нами исследованием Ф. Дюбуа де Монпере [58, p. 24]. В двух номерах авторитетного «Журналь де Деба» по поводу книги выступил профессор из Сорбонны и член Французской академии Сен-Марк Жирарден. Позднее, в 1860 г., Адель перепечатала его отзыв в качестве предисловия к своему «Путешествию по степям Каспийского моря и по южной России». Вот фрагмент этого отзыва: «В “Степях Каспийского моря” две части, написанные разным пером. Г-н Омер де Гелль, весьма известный инженер, ученый-экономист, хороший географ <...>, взял на себя наше знакомство со всем, что касается торговли, навигации, промышленности, дорог, администрации, морского флота, состояния жителей и их происхождения. Г-жа де Гелль, которая бесстрашно сопровождала своего мужа в долгом и порой рискованном путешествии, взяла на себя описание всего, что касается непосредственно путешествия и путешественников: их приключения, радости, опасности, переживания; и она выполнила свою задачу с большим изяществом, большим остроумием и, что особенно важно, остроумием вполне непринужденным» [42, p. I–II].

На труд Омер де Геллей активно ссылались ученые и журналисты. Вот, скажем, солидный журнал «Revue des deux mondes» («Обозрение двух миров»), читаемый, кроме Франции, во всей Европе, да и в России, рассказывает в 1846 г. о Кавказе и использует статистические сведения из «Степей...». Но при этом журнал ссылается не на само произведение, а лишь на имя Ксавье Омер де Гелля, видимо, полагая, что его труд и так у всех на слуху и потому не стоит перегружать читателя излишними библиографическими данными [55, p. 41].

Рис. 2. Адель Омер де Гелль.
Литография по рисунку Ж. Лорана. 1859 г.

Успех «Степей...» воодушевил авторов. Уже в 1846 г. Адель выпустила свой поэтический сборник «Грезы путника» [39], а Ксавье подготовился к новой экспедиции. В феврале, по заданию французского правительства [17, р. 531], Омер де Гелль в сопровождении супруги и молодого художника Жюля Лорана снова отправился в путь. Детей пришлось оставить дома на попечение родственников [12, р. 260].

Целью новой экспедиции были Турция и Персия, но путь туда пролегал через Италию, где Омер де Гелль проводил картографические исследования и «изучил политическую ситуацию в маленьких итальянских государствах, смотревших друг на друга с кровожадной завистью» [21, р. 291]. Добравшись до Турции, Ксавье занялся исследованиями, а Адель поселилась на европейском берегу Босфора в Терабья [27, р. 35] и могла сопровождать супруга лишь в некоторых поездках. Зимой 1846–1847 г. они провели в Терабья, а весной, как вспоминала позднее Адель, материнские обязанности призвали ее оставить Турцию [27, р. VII], а Ксавье начал новую серию экспедиций и поездок. Вместе с Жюлем Лораном он обследовал на лодке западное и южное побережье Черного моря, сплавлился по Ефрату на плоту из бурдюков [21, р. 291] и посетил истоки Тибра, пересек Курдистан и добрался до Персии.

Лихорадка, укрощаемая на время дозами хинина, мучила его все сильнее, но он смог объездить большую часть Персии и добрался до одного из самых древних ее городов – Исфахана. Болезнь уже настолько прогрессировала, что путешественник

едва мог держаться в седле. В Исфахане Ксавье остановился в доме миссионера-проповедника отца Джованни. Но восстановить силы он уже не мог и лишь фиксировал в своем журнале быстрое развитие болезни.

Рис. 3. Ксавье Омер де Гелль.

Литография по рисунку Ж. Лорана. Константинополь, 20 января 1847 г.

30 августа 1848 г. Ксавье Омер де Гелль умер и был похоронен на армянском кладбище в Новой Джульфе – пригороде Исфахана. Адель приехала в Исфахан и установила на его могиле скромный памятник с надписью: «Омер де Гелль, французский путешественник, умер в Исфахане 30 августа 1848 г.» [21, р. 292–293]

...Кортамбер свидетельствует, что вернувшись в Париж в конце 1848 г., Адель Омер де Гелль была настолько сокрушена горем, что, по ее собственному признанию, более года засыпала с одной только мыслью – о смерти, которая позволила бы ей снова соединиться с мужем [18, р. 213].

Ей было всего 29 лет, она воспитывала троих сыновей, единственным состоянием которых (как справедливо заметил де ла Рокет в некрологе, посвященном Ксавье) было имя их отца [57, р. 58].

Впрочем, оставались дневники Ксавье, написанные во время его последнего путешествия на Восток. Они хранились у вдовы, и, отметим, тот же де ла Рокет имел возможность ими пользоваться при составлении некролога. Оценив их научную важ-

ность, в 1850 г. де ла Рокет призвал научное сообщество и все государственные инстанции, курировавшие экспедицию Ксавье, позаботиться об издании материалов этой экспедиции [57, р. 58]. Инициатива была поддержана министром народного просвещения и культов: именно он направил бумаги Ксавье Омер де Гелля для научной экспертизы в Академию надписей и изящной словесности. В конце 1851 г. Академия рекомендовала к печати материалы последнего восточного путешествия К. Омер де Гелля [43, т. I, р. 7–11].

Для подготовки издания была создана комиссия из ученых, специализирующихся в разных сферах географии [17, р. 531]. Иллюстрации были подготовлены спутником Омер де Гелля – художником Ж. Лораном, сумевшим придать атласу, прилагавшемуся к изданию, «характер настоящего литографического памятника» [21, р. 293]. Вдова путешественника приняла самое деятельное участие в подготовке издания и занималась составлением и редактурой описательной части [47, р. 147]. Ей было тем проще разобраться в материалах, что часть путешествия она совершила вместе с Ксавье. Результатом совместной работы ученых и Адели Омер де Гелль стало четырехтомное издание – «Путешествие в Турцию и Персию, совершенное по поручению французского правительства в 1846, 1847 и 1848 годах Ксавье Омер де Геллем» (1854–1860).

Несомненно, подготовка четырехтомного издания потребовала от Адели немалых усилий, но именно эта работа заставила ее вернуться к полноценной творческой активности. Особенно плодотворным для Адели оказался 1860 г. В конце 1859 г. она жила какое-то время в Карпантра у Ж. Лорана [21, р. 286], который, как помним, запечатлел в рисунках экспедицию Ксавье Омер де Гелля на Восток. Видимо, теперь Адель совместно с Лораном завершала работу над изданием «Путешествия в Турцию и Персию». В том же 1859 г. активно собирал информацию о жизни Ксавье Омер де Гелля Ш. Гуцвиллер. И в этом Адель также приняла деятельное участие, передав в распоряжение биографа «объемную корреспонденцию своего мужа» [21, р. 293].

И вот в 1860 г. вышел, наконец, четвертый и последний том «Путешествия в Турцию и Персию», а в «Эльзасском обозрении» началась публикация подготовленного Ш. Гуцвиллером большого очерка о жизни и исследованиях Ксавье Омер де Гелля. Но это не все. В 1860 г. Адель выпустила еще и собственную книгу – «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России».

Вот некоторые подробности об этом сочинении. Мы помним, что Адель стала соавтором своего мужа при создании трехтомного издания «Степи Каспийского моря...» (1843–1845). Ей принадлежала «живописная» (как оговаривалось в предисловии, а мы бы сказали – описательная) часть текста. Причем читатель зачастую угадывал, какие фрагменты создавались пером именно Адели.

Теперь Адель решила издать в формате отдельной книги уже только «живописную» часть записок о ее совместном с Ксавье путешествии на Каспий, юг России, Кавказ и в Крым. Однако чисто механически вычленив текст Адели из «Степей...» было невозможно, поскольку перу Ксавье принадлежали не только научные периоды текста, но значительная доля путевых описаний и впечатлений. Так что для нового, самостоятельного издания Адели пришлось существенно переработать текст. Эти пе-

переработки были разного масштаба и уровня: во-первых, были убраны пассажи, написанные Ксавье, во-вторых, добавлены новые сюжеты (например, рассказ о драматичной любви баронессы Аксинии Ланг), в-третьих, несколько изменен маршрут по Крыму, и в-четвертых, предпринята дополнительная стилистическая обработка текста.

Словом, подготовка «Путешествия по степям Каспийского моря и по южной России» потребовала от Адели Омер де Гелль кропотливой редакторской работы и серьезного переосмысления материалов. Критикой книга была встречена доброжелательно. Например, в «Национальном и зарубежном обозрении науки, политики и литературы» известный писатель Артур Арну писал: «Более всего нас поразило в этой книге трезвый и тонкий талант наблюдателя. Автор обладает редкостным даром распознавать среди тысячи предметов предмет характерный и важный, выбирать из многочисленных приключений такое, которое наилучшим образом позволяет нам проникнуть в жизнь малоизвестного народа, чьи основные черты здесь изображаются» [11, р. 320]. А «Восточное обозрение» поместило большую статью, где представила читателю наиболее интересные моменты путешествия Адели по степям Каспийского моря и Кавказу [20]. «Критическое обозрение» оценило Адель как «превосходную путешественницу», чье «остроумное перо умеет оттенить мельчайшие детали» [54].

Однако все эти творческие успехи затмились для Адели Омер де Гелль новой страшной утратой. В 1860 г. в возрасте 21 года в Кабилии погиб ее средний сын Густав. Он служил в 3-м полку зуавов, что само по себе является красноречивой характеристикой личности. Зуавы – наиболее боеспособное, элитное подразделение французской армии. Чтобы попасть в полк зуавов, сын Адели Омер де Гелль должен был обладать безусловной храбростью. Можно почти с уверенностью сказать, что он принимал участие в победоносной Итальянской кампании 1859 г., в ходе которой зуавы отличились в сражениях против австрийцев. После Итальянской войны зуавы были возвращены в Африку, где Густав пал в бою смертью храбрых [23, р. 164].

Какое-то время Адель Омер де Гелль, видимо, пыталась находить успокоение в непрерывных разъездах и совершила путешествия в Бельгию, Италию, Лондон, несколько поездок на юг Франции [18, р. 213]. А вскоре она отправилась и вовсе за океан: на остров Мартиника – владение Франции в Карибском море. Дело в том, что на Мартинике уже давно обосновался ее старший сын Эдуард. Он был профессором математики, сотрудничал с журналом «Восточное обозрение» в качестве специалиста в области экономики. На Мартинике он завел собственное хозяйство и стал колонистом [21, р. 293]. И вот Адель вместе с младшим сыном Леоном отправилась через Атлантику повидать своего первенца.

Биографы указывают, что путешествие это состоялось в 1863 г. [18, р. 213; 21, р. 294], однако из записок Омер де Гелль явствует, что она отправилась на остров в 28 августа 1862 г. и провела там 6 месяцев, после чего вернулась во Францию [27, р. 202, 307]. Путешествие подействовало на нее благотворно, и в июле 1863 г., уже из Сент-Этьена, она писала Ш. Гуцвиллеру: «Я вернулась из Нового Света, с одного из Алеутских островов, рассеянных в океане <...>. Есть истинная прелесть в том, чтобы взбираться по горным скатам и тропам и объять взором картины самой очаровательной природы. Ничто у нас в Европе не дает понятия об этом. Это изобилие жизни,

роскошь форм, разнообразие линий и горизонтов, и все это способно попросту ослепить» [21, р. 294].

Это путешествие дало Адели новые впечатления, которые помогли ей снова приняться за работу. 3 августа 1865 г. Адель выступила на четвертой сессии общего собрания Конгресса ученых Франции в Руане. Ее доклад основывался на материалах, собранных на Мартинике, и содержал описание природы острова, местных нравов и обычаев, положения негров после их освобождения от рабства в 1848 г. Не обошлось, конечно, и без упоминаний о «драматических перипетиях» вояжа. Все это было представлено в «изыщном и живописном стиле», как замечал обозреватель научного мероприятия, а выступление Адели «неоднократно прерывалось аплодисментами аудитории» [8, р. 112].

Осенью того же года «Воспоминания о Мартинике» Адели Омер де Гелль были опубликованы в «Нормандском обозрении» [40]. Здесь же появилось ее новое стихотворение «Дикий цветок» [30]. Вообще, Адель стала постоянным автором «Нормандского обозрения». В следующем году она опубликовала здесь стихотворение «Весна жизни. Юной итальянке» [33] и довольно пронзительное, если знать личные обстоятельства автора, – «Горе» [32], содержание которого сводится к тому, что жизнь представляет собой непрерывное сражение, и если душа, хоть ненадолго, предается покою, злой рок наносит ей очередной удар. В 1867 г. в «Нормандском обозрении» появились еще два ее стихотворения – «Маргаритка» [37] и «Путешественник» [34], а кроме того, весь журнальный раздел «Путешествия» был занят тремя ее статьями. Одна из них была основана на недавних наблюдениях путешественницы и рассказывала о ботаническом саде на Мартинике [31], но две другие – «Из Константинополя в Триест» [28] и «Армяне в Константинополе» [35] – представляли собой возвращение к уже публиковавшимся некогда сюжетам из путешествий Адели и Ксавье на Восток. В 1868 г. Адель Омер де Гелль осуществила переиздание своего «Путешествия...» в Прикаспийские степи, эта новая версия носила название «Степи Каспийского моря: путешествие в южную Россию» [36].

В 1870 г. Адель Омер де Гелль выпустила очередную книгу, которую называла «младшей сестрой “Степей...”» [27, р. VIII] – «Через мир. Восточная жизнь. Креольская жизнь». Издание делится на две части. Первая основана на сведениях, накопленных Аделью в период пребывания в Турции в пору второго восточного путешествия ее мужа. Вторая часть книги включает описание еще двух путешествий: первое – на Мартинику (о нем мы уже говорили), а второе – в Румынию, Молдавию и другие придунайские земли. Когда состоялось это второе путешествие, сказать сложно, поскольку сама Омер де Гелль его не датировала. Так что приходится догадываться по косвенным указаниям. Так, в предисловии к изданию своих «Степей...» 1868 г. Адель сообщает, что «совсем недавно спускалась в Галац по Дунаю», причем само предисловие писалось в Галаце (румынском городе) и датировано 22 июня 1868 г. [36, р. I, XIX]. Из текста путевых описаний следует, что Галац был финальным пунктом ее поездки. Перед тем, в конце ноября, она, например, посетила Одессу, где некогда провела немало времени в период странствий по югу России и где намеревалась перезимовать на сей раз. Однако теперь город показался ей унылым и негостеприимным, поразил «резким контрастом между крайней роскошью и крайней нищетой» [27,

р. 372], и она предпочла в начале декабря отправиться на зимовку в Галац. Резонно предположить, что дунайское путешествие Адели Омер де Гелль состоялось в 1867–1868 гг. Что касается причины этого вояжа, то из предисловия следует, что в Восточную Европу Адель призвала материнская любовь. То есть надо полагать, что Адель отправилась в Румынию навестить своего младшего сына, как некогда ездила на Мартинику навестить старшего.

Реакция критиков на эту книгу Адели Омер де Гелль была, кажется, менее активной, нежели на ее «Путешествие по степям Каспийского моря». Но все же реакция была. «Живописный магазин», рассказывая о ботаническом саде на Мартинике, взамен «ботанической номенклатуры» предлагал читателю познакомиться с «красочным описанием, которое недавно сделала знаменитая путешественница г-жа Омер де Гелль» [51, р. 314] в книге «Через мир». «Синий чулок» – ежемесячный указатель художественных и литературных произведений, созданных женщинами, – не просто упомянул книгу Омер де Гелль среди литературных новинок, но и заявил, что мало какое сочинение «исполнено такими же умом, живостью ощущений, художественным вкусом и необычайным талантом выражать впечатления красочно и точно» [52]. Отзыв, конечно, весьма лестный, но и весьма запоздалый: он появился в 1874 г. – через четыре года после выхода самой книги.

Насколько нам известно, после 1870 г. Адель Омер де Гелль более ничего не публиковала. Можно предположить, что причиной тому явилась, кроме прочего, Франко-прусская война, которая разразилась в 1870 г. и привела к поражению Франции. В этом отношении очень красноречивы воспоминания Ш. Гуцвиллера, поэтому процитируем фрагмент из них: «Последнее письмо ко мне от г-жи Омер де Гелль было отправлено из Версаля 9 сентября 1970 г. – за десять дней до осады Парижа немецкими войсками. Ее сын Леон уехал в Селесту, где находился молдавский юноша Антонин Романенко, которого он должен был привезти в Париж для получения образования. Г-жа Омер де Гелль предупреждала о визите ко мне ее сына, но Эльзас был захвачен, Кольмар оккупирован, а Селеста осаждена. Он вынужден был повернуть назад, не повидавшись со мной.

Вот последние слова из упомянутого письма: “В кошмаре, в котором мы живем, все становится поводом для тревоги. Рассудок настолько потрясен, что более не знает, на чем остановиться”.

Эта необыкновенная женщина, которая уже так много страдала, вернулась в Париж, где испытала все муки и лишения осады. Она не противилась этому последнему испытанию, и когда ворота Парижа оказались снова открыты, она покинула его, едва найдя силы, чтобы добраться до Сен-Этьена, где умерла на руках у своей старшей сестры. Угаснуть в своем родном городе, где начинался роман ее жизни, где ее ублаживали лучезарные мечты о будущем, – не это ли высшее утешение для столь исключительной души?» [21, р. 295].

В 1872 г. «Bulletin monumental», издаваемый Французским археологическим обществом, поместил некролог, посвященный Адели Омер де Гелль. «Умерла г-жа Омер де Гелль, – говорилось там. – Знаменитая путешественница по Востоку, Антильским островам и по многим другим странам Старого и Нового Света умерла несколько месяцев назад, хотя и была еще в молодом возрасте. Те, кто участвовал в

1865 г. в научном конгрессе в Руане, не забыли два сообщения г-жи де Гелль, которые она сделала по просьбе г-на Баруффи из Турина. Появление ее “Путешествия на берега Каспийского моря”, ее книг, озаглавленных “Восточная жизнь”, “Гражданская жизнь”, обратило на себя большое внимание» [53]. Автор некролога напутал с названием книги: правильно не «Гражданская жизнь» («La vie civile»), а «Креольская жизнь» («La vie créole»). Но была в этом некрологе еще одна ошибка – вовсе ошеломительная: Адель Омер де Гелль не умерла в 1872 г.!

Трудно сказать, почему сразу два источника – и Ш. Гуцвиллер, хорошо знавший Адель, и автор некролога в «Bulletin monumental» (думается, некто из ее знакомых по ученым кругам) – ошибочно сообщили о ее смерти вскоре после завершения Франко-прусской войны. Можно лишь догадываться, что был некий повод для возникновения подобных слухов, скорее всего, – тяжелая болезнь. Понятно лишь, что с Ш. Гуцвиллером, который оставался в аннексированном Германией Эльзасе, Адель Омер де Гелль после 1870 г. уже не переписывалась, и он пребывал в неведении относительно ее истинной судьбы. От литературной работы Адель Омер де Гелль тоже отошла. О последних годах ее жизни нам ничего не известно.

...В 1883 г. появился еще один некролог, к несчастью, теперь уже оправданный. Его поместила крупная газета «Галл» («Le Gaulois») и перепечатало литературное обозрение «Книга» («Le Livre») [50]. «Г-жа Адель Омер де Гелль, – говорилось в нем, – жена французского путешественника, умершего в Исфахане в 1848 г., недавно тихо угахла в возрасте шестидесяти трех лет.

Писательница с талантом столь же самобытным, сколь и серьезным, г-жа Омер де Гелль оставила серию путешествий, которые весьма оценены теми, кто путешествовал по южным областям России. Это, прежде всего, труд, написанный в сотрудничестве с мужем, “Степи Каспийского моря”; потом, после смерти Жюль де Гелля, – “Путешествие по степям Каспийского моря и южной России” с предисловием Сэн-Марка Жирардена, “Грезы путника”, сборник стихотворений, очень изящных и вызвавших своим появлением некоторый шум; наконец, “Путешествие в Турцию и Персию”.

Из всех этих сочинений, бесспорно, наибольший интерес представляет “Путешествие по южной России”, опубликованное в 1860 г.

Г-жа де Гелль повествует о своем пребывании у повелителя калмыков, князя Тюменя, которому Александр Дюма посвятил столь интересные главы своей книги “В России”. Однако, хотя путешествия двух авторов происходили с разницей всего в два года, последний представляет князя как молодого еще человека, поскольку он поборолся с ним голыми руками и победил дважды, а другой автор представляет его как глубокого старика.

Во время второй империи у г-жи де Гелль на улице дю Бак был салон, где собирались все члены «Либерального союза»: гг. Монталамбер, Гизо, Ренан, Жюль Симон и др. Именно в этих апартаментах она умерла вчера утром. Ее похороны состоятся завтра в церкви Святого Фомы Аквинского» [56].

Как видим, автор некролога не слишком озаботился сбором точных сведений об усопшей и даже перепутал имя ее супруга. Совершенно нелепо и его наблюдение по

поводу князя Тюменя, изображенного в книге Адели «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России». Год издания книги – 1860 – автор некролога принял за датировку самого путешествия, а потому и решил, что Адель странствовала по России двумя годами позже Александра Дюма, который ездил по России и Кавказу в 1858–1859 гг. На самом деле путешествие Омер де Гелль состоялось двумя десятилетиями ранее, и встречались они вовсе не с тем князем Тюменем, что Дюма.

Грубые биографические ошибки, хотя Адель Омер де Гелль не так уж и давно отошла от литературной и научной жизни... Так проходит мирская слава!

Ксавье Омер де Геллю в этом отношении повезло более. Увековечением его памяти занялся его друг и земляк Ш. Гуцвиллер. Он вспоминал, что Адель в свое время передала ему портрет Ксавье, написанный Ж. Лораном в Терабье. Этот портрет должен был послужить моделью для скульптора, который взялся бы исполнить бюст, одобренный, по предложению Гуцвиллера, городской администрацией. «Впрочем, из-за весьма значительных издержек, – сообщал Гуцвиллер, – работа эта была отложена. Однако г. Авг. Бартольди любезно изготовил для меня небольшой макет бюста, по которому отлил два гипсовых муляжа: один для музея Альткирша, другой – для хранения у меня. К моему глубокому сожалению, на том дело стало и более уже не возобновлялось» [21, р. 293]. Однако Ксавье не был забыт гражданами родного города. Именем Ксавье Омер де Гелля была названа улица, ведущая к его родному дому (она и ныне носит его имя), а на самом доме установили мемориальную доску. В 1912 г., в связи со 100-летним юбилеем Ксавье Омер де Гелля, усилиями мэрии в Альткирше был проведен торжественный вечер в честь путешественника, прославившего свой край [14].

Сочинения супругов Омер де Гелль о Крыме, к сожалению, долгое время оставались у нас забытыми. Роковую роль в этом, конечно, сыграла мистификация П. П. Вяземского, которая дискредитировала и личность Адели Омер де Гелль, и ее творчество. Предпринятая нами биографическая реконструкция показывает, что реальная Адель Омер де Гелль не имеет ничего общего с персонажем, вымышленным П. П. Вяземским. Жизнь и творчество французской поэтессы и путешественницы, как и научная судьба ее супруга, – важная веха в освоении французской наукой и литературой российских, и в частности крымских реалий, а их труды – важный исторический источник. В завершение остается лишь сообщить, что в скором времени отечественные исследователи получат доступ к русскоязычному переводу значительных фрагментов из сочинений супругов Омер де Гелль, поскольку крымские страницы их произведений должны быть напечатаны в качестве приложений к монографии «В лабиринте крымского мифа», публикация которой запланирована на 2017 г.

Список использованных источников и литературы

1. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / сост., подгот. текста и вступ. ст. В. В. Орехова. – Киев: Стило. – 414 с.

Montandon Sh. Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyj vvedeniem o raznyh sposobah perezda iz Odessy v Krym / sost., podgot. teksta i vstup. st. V. V. Orekhova. – Kiev: Stilos. – 414 s.

2. Немзер А. С. Затянувшаяся шутка / А. С. Немзер // Вяземский П. П. Письма и записки Оммер де Гелль. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 5–22.

**ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО КРЫМУ СУПРУГИ ОМЕР ДЕ ГЕЛЛЬ:
ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

- Nemzer A. S. Zatyanyuvshayasya shutka / A. S. Nemzer // Vyazemskij P. P. Pis'ma i zapiski Ommer de Gell'. – М.: Hudozh. lit., 1990. – S. 5-22.
3. Орехов В. В. Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе / В. В. Орехов // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – С. 164–192.
- Orekhov V. V. Literaturnoe krymovedenie i problema istoricheskoy istiny v obrazovatel'nom processe / V. V. Orekhov // Sovremennaya kartina mira: krymskij kontekst: kollekt. monogr. Кн. 1. – Simferopol': ИТ «Ariал», 2017. – S. 164–192.
4. Попов П. С. Отклики иностранной печати на публикацию «Писем и записок» Омэр де Гелль / П. С. Попов // Литературное наследство. Т. 45–46: М. Ю. Лермонтов. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 767–775.
- Popov P. S. Otkliki inostrannoј pečhati na publikaciju «Pisem i zapisok» Omehr de Gell' / P. S. Popov // Literaturnoe nasledstvo. T. 45–46: M. YU. Lermontov. II. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – S. 767–775.
5. Попов П. С. Мистификация / П. С. Попов // Новый мир. – М., 1935. – Кн. 3. – С. 282–293.
- Popov P. S. Mistifikacija / P. S. Popov // Novyj mir. – M., 1935. – Kn. 3. – S. 282–293.
6. Русский биографический словарь. Т. XIV. – СПб., 1905. – С. 717–718.
- Russkij biograficheskij slovar'. T. XIV. – SPb., 1905. – S. 717–718.
7. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyah yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb.: Nauka, 2002. – 676 s.
8. Allard P. Quatrième séance générale / P. Allard // Congrès scientifique de France. Trente-deuxième session tenue à Rouen au mois d'août 1865. – Paris – Rouen, 1866. – P. 111–113.
9. Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1844. – 360 p.
10. Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1845. – 290 p.
11. Arnould A. Bulletin bibliographique / A. Arnould // Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire. – Paris, 1861. – T 4. – P. 320.
12. Barbier J.-V. Rôle des voyageuses françaises dans la géographie / J.-V. Barbier // Congrès national des Sociétés françaises de géographie. XV-e session (Lyon, 1894). Compte rendu des travaux du congrès. – Lyon, 1895. – P. 258-260.
13. Bibliographie alsacienne: revue critique des publications concernant l'Alsace. T. 6 (1934–1936). – Paris, 1938. – 632 p.
14. Charpentier-Page G. Le centenaire de Hommaire de Hell, célébré à Altkirch le 1-er décembre 1912 / G. Charpentier-Page // Bulletin de Société belfortaine d'émulation. – Belfort, 1914. – № 33. – P. 211–216.
15. Chevalier A. Femmes d'autrefois / A. Chevalier. – Tours: A. Mame et fils, 1899. – 368 p.
16. Chevalier A. Les voyageuses au XIXe siècle / A. Chevalier. – Tours: A. Mame et fils, 1889. – P. 23–58.
17. Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences. T. 50. – Paris, 1860. – 1253 p.
18. Cortambert R. Les illustres voyageuses / R. Cortambert. – Paris: E. Maillot, 1866. – 396 p.
19. Dronsart M. Les grandes voyageuses / M. Dronsart. – Paris, 1904. – 314 p.
20. Fabr J. R. Du Dnieper au Caucase / J. R. Fabr // Revue de l'Orient. Bulletin de la Société orientale. T. 12. – Paris, 1860. – P. 348–362.
21. Goutzwiller Ch. Souvenirs d'Alsace, portraits, paysages: à travers le passé / Ch. Goutzwiller. – Belfort, 1898. – 474 p.
22. Goutzwiller Ch. X. Hommaire de Helle / Ch. Goutzwiller // Biographies alsaciennes avec portraits en photographie. Série 3. Livr. 1. – Colmar, 1885. – P. 29–32.
23. Goutzwiller Ch. X. Hommaire de Helle. Étude biographique / Ch. Goutzwiller // Revue d'Alsace. – Colmar, 1860. – P. 337-355, 385-401, 469-478, 529-54; 1861. P. 145–166.
24. Grad Ch. L'Alsace, le pays et ses habitants / Ch. Grad. – Paris, 1909. – 632 p.
25. Gravier G. Nécrologie. Cortambert Richard / G. Gravier // Société normande de géographie. Bulletin de l'année 1884. T. VI. – Rouen, 1884. – P. 51–52.

26. Gravier G. Nécrologie. Joseph-Victor Barbier / G. Gravier // Société normande de géographie. Bulletin de l'année 1898. T. XX. – Rouen, 1898. – P. 342–346.
27. Hommaire de Hell A. A travers le monde. La vie orientale. La vie créole / A. Hommaire de Hell. – Paris: Didier, 1870. – 396 p.
28. Hommaire de Hell A. De Constantinople à Trieste / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 65–77.
29. Hommaire de Hell A. Fragment d'un voyage en Crimée / A. Hommaire de Hell // Revue de l'Orient. Bulletin de la Société orientale. T. 5. – Paris: Delavigne, 1844. – P. 222–237.
30. Hommaire de Hell A. La fleur sauvage / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 5. – Rouen, 1865. – P. 704–706.
31. Hommaire de Hell A. Le Jardin des Plantes à Saint-Pierre (Martinique) / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 282–288.
32. Hommaire de Hell A. Le malheur / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 6. – Rouen, 1866. – P. 464.
33. Hommaire de Hell A. Le printemps de la vie. A une jeune Italienne / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 6. – Rouen, 1866. – P. 54–56.
34. Hommaire de Hell A. Le voyageur / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 468–470.
35. Hommaire de Hell A. Les arméniens à Constantinople / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 775–787.
36. Hommaire de Hell A. Les steppes de la mer Caspienne: voyage dans la Russie méridionale / A. Hommaire de Hell. – Paris: Librairie académique, 1868. – 367 p.
37. Hommaire de Hell A. Marguerite / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 178–180.
38. Hommaire de Hell A. Princesses tatares. Mangoup-Kalé / A. Hommaire de Hell // Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1844. – P. 164–172.
39. Hommaire de Hell A. Rêveries d'un voyageur. Orient, Russie et Moldavie / A. Hommaire de Hell. – Paris: Amyot, 1846. – 239 p.
40. Hommaire de Hell A. Souvenirs martiniquais / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 5. – Rouen, 1865. – P. 521–532, 585–596.
41. Hommaire de Hell A. Trois femmes célèbres / A. Hommaire de Hell // Le Compilateur: revue des journaux français et étrangers. T. V. – Paris, 1844. – № 34. – P. 533–536.
42. Hommaire de Hell A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale / A. Hommaire de Hell. – Paris: L. Hachette, 1860. – 411 p.
43. Hommaire de Hell X. Voyage en Turquie et en Perse, exécuté par ordre du gouvernement français pendant les années 1846, 1847 et 1848. T. I–IV. – Paris: P. Bertrand, 1854–1860.
44. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. T. 1-3 / X. Hommaire de Hell, A. Hommaire de Hell. – Paris: Bertrand, 1843–1845.
45. Kermaingant M. F. Mémoire sur le projet d'un chemin de fer de Lyon à Marseille / M. F. Kermaingant. – Paris: Imprimerie royale, 1837. – 172 p.
46. Lacroix F. Résumé des voyages de l'année / F. Lacroix // Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1844. – P. 17-19.
47. Langlois V. Voyage en Turquie et en Perse / V. Langlois // Revue de l'Orient. Bulletin de la Société orientale. T. 12. – Paris, 1860. – P. 146–150.
48. Larousse universel en 2 volumes: nouveau dictionnaire encyclopédique. Tome 1 / publié sous la direction de Cl. Augé. – Paris, 1922. – P. 1123.
49. Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littérature, art, sciences, etc. T. 17 (suppl. 2) / P. Larousse. – Paris, 1888. – P. 1393.
50. Le Livre: revue du monde littéraire. A. 4. – Paris, 1883. – P. 475.
51. Le Magasin pittoresque. A. 38. – Paris, 1870. – 412 p.
52. Livres nouveaux écrits par des femmes // Le Bas bleu. A. 2. – Paris, 1874. – № 23. – P. 13.

53. M. L. Nécrolog / M. L. // Bulletin monumental. T. 8. – Paris – Caen, 1872. – P. 178.
54. Revue critique des livres nouveaux. A. 29. – Paris – Genève, 1861. – P. 32.
55. Revue des deux mondes. T. 14. – Paris, 1846. – P. 41.
56. Roche P. Madame de Hell / P. Roche // Le Gaulois. – Paris. – № 305 (17.05.1883). – P. 2.
57. Roquette de la. Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse / de la Roquette // Bulletin de la Société de géographie. T. 14. № 79–84. – Paris, 1850. – P. 29–58.
58. Saint-Martin V. de. Notice sur le progrès des découvertes géographiques pendant l'année 1844, lue à l'assemblée générale de la Société de Géographie, le 20 décembre 1844 / V. de. Saint-Martin // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire, contenant des relations originales inédites, communiquées par des voyageurs français et étrangers;. T. 1 (105). – Paris, 1845. – P. 15–77.
59. Sitzmann É. Dictionnaire de biographie des hommes célèbres de l'Alsace: depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Tome 1 / É. Sitzmann. – Rixheim, 1909. – 873 p.
60. Vapereau G. Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers / G. Vapereau. – Paris, 1880. – 1892 p.
61. Viquesnel A. Notice sur la collection de roches recueillie en Asie Mineure et en Perse par feu Hommaire de Hell / A. Viquesnel // Bulletin de la Société géologique de France. 2-e série. T. 7. – Paris, 1850. – P. 491–514.

Orekhov V. V. Spouses Hommaire de Hell – travelers across the Crimea: an attempt at biographical reconstruction.

This article examines the biographies of two French travelers: Adèle Hommaire de Hell and Xavier Hommaire de Hell. They traveled to the Crimea in the early 1840s. They have described the peninsula many times in their works. Biography Adèle Hommaire de Hell is of special importance for science, as this writer became a victim of literary hoaxes. At the end of XIX century. The letters of Adèle Hommaire de Hell were forged by Pavel Vyazemsky. This greatly spoiled the reputation of the traveler. Historians have ceased to trust her works. However, this article proves that the real Adèle Hommaire de Hell is not at all like the fictional character of Pavel Viazemsky.

Keywords: Hommaire de Hell, Crimea, travel, biography, travel notes.